

НАПИСАННЫЙ

Velimir Ashen

Velimir Ashen

Написанный

<https://litres.ru/73733692>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если книга, которую вы пишете три года, начинает писать вас? Когда события в рукописи предсказывают реальность, а персонажи выходят на улицу, писатель понимает: он не автор. Он черновик.

Писатель К. три года работает над романом. Но однажды в рукописи появляются главы, которых он не писал, но написанные в его стиле, его синтаксисом, описывающие события, которые ещё не произошли, но происходят потом.

Кольцо от чашки на первой странице было там с самого начала. Редактор исчезает, оставив готовый финал. Сосед задаёт один вопрос: вы пишете или записываете? И уходит без ответа.

Параллельно следователь Р. расследует странные исчезновения: люди не умирают, они стираются из памяти других. Все нити ведут к квартире писателя К.

Два расследования смотрят друг в друга. Чтобы выйти из текста, К. должен написать себя самого с именем, с прошлым, с точкой в конце. Но сначала понять: был ли он когда-нибудь автором?

Содержание

Глава 1. Доказательство	5
Глава 2. Слой I – Р. и исчезнувший	10
Глава 3. Рита	15
Глава 4. Слой III – впервые	21
Глава 5. Михаил Иванович	24
Глава 6. Список	28
Глава 7. Слой I – записи Р. меняются	33
Глава 8. Рукопись не удаляется	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Velimir Ashen

Написанный

Он поставил чашку на рукопись.

След останется на первой странице, тёмное кольцо на бумаге. Он посмотрит на него с секунду. Уберёт чашку и продолжит читать.

Лампа на столе. За окном темнеет. Он не поднимет головы ещё час.

Кольцо на бумаге высохнет. Никуда не денется.

Глава 1. Доказательство

К. считает страницы во второй раз.

Двести четырнадцать. Он точно помнит: двести четырнадцать. Подписал каждую внизу справа карандашом, дата и порядковый номер. Не метод, скорее привычка. Три года одна и та же привычка, и он не мог бы объяснить, зачем она нужна, если бы кто-то спросил, но никто не спрашивал.

Теперь двести двадцать одна.

Он раскладывает рукопись на весь стол, от края до края. Ищет разрыв в нумерации. Находит между сто восьмой и сто девятой: семь страниц, которых не было. Бумага та же, он покупает одну пачку в месяц в одном магазине, знает фактуру на ощупь пальцами. Шрифт тот же, поля те же, интерлиньяж тот же.

Он читает первый абзац новой главы.

Останавливается.

Перечитывает.

Его ритм и синтаксис. Разрыв между подлежащим и сказуемым в том месте, где он всегда его делает, это не правило, а случайность, которая стала правилом. Точка там, где напрашивается запятая. Абзац из одного слова после длинного периода, этот приём он нашёл сам, в первый год работы над рукописью в три часа ночи, и с тех пор не видел ни у кого.

Он читает дальше. В какой-то момент замечает, что дер-

жит страницу двумя руками.

Новая глава о следователе Р. Р. входит в квартиру свидетеля, которого уже нет в памяти никого из соседей. Квартира жилая: посуда в раковине, куртка на крючке, на столе лежит раскрытая книга с загнутой страницей. Человек есть. Его нет.

К. написал эту сцену три недели назад. Он точно помнит: Р. входит, осматривается, уходит. Четыре абзаца.

В новой главе Р. остаётся. Садится за стол свидетеля, берёт книгу. Читает страницу с загнутым углом, и К. вслед за ним читает её тоже, потому что текст книги внутри новой главы тоже написан полностью. Страница из другой книги, которой не существует, написанная в чужом голосе и этот голос К. не знает, но узнаёт.

Он дочитывает до конца седьмой страницы. Некоторое время смотрит на последнее слово.

Встаёт. Идёт на кухню. Стоит у раковины. Наливает воду и пьёт.

На подоконнике стоит горшок с засохшим базиликом. Он собирался его выбросить с октября. Сейчас март.

Он возвращается к столу.

Рукопись лежит там, где он её оставил. Двести двадцать одна страница. Семь из них написанных не им.

Он садится. Берёт первую страницу ту, с которой всё начинается, с его именем в правом верхнем углу, с датой начала работы. Три года назад. Он помнит тот день: октябрь,

дождь, он сидел в этом же кресле и переписывал первую фразу семь раз, пока не остался доволен.

В правом верхнем углу, рядом с его именем кольцо от чашки. Тёмное, ровное, давно высохшее.

Чашка стоит в сушилке. Он помнит, как ставил её туда вчера вечером, его последнее действие перед сном, автоматическое. Чашка чистая, сухая. Он встал сегодня, прошёл мимо неё, сел за рукопись. Не прикасался.

Он помнит точно.

Кольцо на бумаге.

Он сидит и смотрит на него. За окном двор, дерево без листьев, скамейка, на которой никто не сидит с ноября. Фонарь утром выключается в восемь сорок семь, он знает, потому что часто работает до рассвета и видел это много раз. Сейчас девять утра. Фонарь выключен.

Лампа на столе гудит едва слышно.

Где-то за стеной Михаил Иванович двигает что-то тяжёлое медленно, с остановками. Потом стук, затем тишина и снова стук методичный, негромкий.

К. берёт карандаш. Смотрит на него и кладёт обратно.

Двадцать три дня назад первый раз. Сцена в третьей главе: Р. разговаривает с коллегой в коридоре управления. К. перечитывал накануне и был уверен, что коллега уходит после второй реплики. В новом варианте он остаётся, говорит ещё и то, что он говорит, меняет интонацию всей сцены. Не сюжет, именно интонацию. К. проверил файл: дата стояла ста-

рая, ещё со второй главы. «Не та», мелькнуло у него. Но он решил, что ошибся. Ночью, когда работаешь долго, всякое чудится.

Шестнадцать дней назад второй раз. Абзац в восьмой главе, которого не было. Один абзац, семь строк. Р. стоит у окна и думает о том, что некоторые люди исчезают не потому, что их забывают, а потому что они сами разрешили себя забыть. К. не писал этого. Он бы не написал слишком прямо, слишком близко к тому, что думает он сам, а не персонаж. Он удалил абзац. На следующий день абзац был на месте.

Девять дней назад третий раз. Он перестал считать.

Он берёт чистый лист. Пишет сверху: *доказательства*. Смотрит на слово, зачёркивает. Пишет: *факты*.

Первый пункт: страниц было двести четырнадцать.

Второй пункт: теперь двести двадцать одна.

Третий пункт: написаны в его стиле.

Четвёртый пункт: кольцо от чашки на первой странице.

Пятый пункт: чашка в сушилке.

Он смотрит на список. Пять пунктов, два из которых об одном и том же.

Напротив четвёртого пункта он не пишет ничего.

Напротив пятого тоже.

За окном по двору проходит женщина с собакой. Собака останавливается у дерева. Женщина ждёт. К. смотрит на них.

Потом смотрит на рукопись.

Потом на кольцо от чашки.

Берёт карандаш и под списком, отступив строку, пишет ещё один пункт шестой. Долго думает над формулировкой. Зачёркивает, пишет иначе. Зачёркивает снова.

В итоге оставляет три слова.

Двадцать три дня.

Смотрит на них. Откидывается на спинку кресла. Лампа гудит. Михаил Иванович за стеной снова двигает что-то тяжёлое теперь в другую сторону.

Глава 2. СлоЙ I – P. и исчезающий

Первым делом P. проверил документы.

Паспорт на имя Алексея Дмитриевича Горина, тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения. Прописка: улица Строителей, дом семь, квартира тридцать четыре. Трудовая книжка: последнее место работы – городской архив, должность хранитель фондов, стаж одиннадцать лет. Медицинская карта. Страховой полис. Квитанции об оплате коммунальных услуг за последние три месяца – все оплачены, последняя за четыре дня до того, как Горина перестали помнить.

Документы были настоящие. P. проверил трижды.

Он сидел в кабинете начальника архива женщины лет пятидесяти с короткой стрижкой и манерой смотреть чуть в сторону от собеседника, туда, где за его правым плечом всегда происходило что-то важнее разговора. Она держала паспорт Горина двумя пальцами.

– Одиннадцать лет, – сказал P. – Вы работаете здесь дольше?

– Восемнадцать.

– Значит, вы приняли его на работу.

Она посмотрела на него первый раз прямо. Потом снова в сторону.

– Я не помню такого человека.

– Вы видите его паспорт.

– Да. Вижу паспорт. – Она положила его на стол аккуратно, обложкой вверх. – Это не одно и то же.

Р. записал. Не формулировку, а интонацию. Он давно научился записывать интонации: коротко, в скобках, сразу после прямой речи. (Не отрицает. Различает.) Это помогло потом, когда показания начинали расходиться с первым впечатлением.

В архиве работало девятнадцать человек. Р. опросил всех за один день, попросил выделить ему комнату для переговоров маленькую без окна, с круглым столом и двумя стульями. Каждый приходил, садился, смотрел на фотографию Горина. Фотография была рабочая из личного дела, серый фон, взгляд немного вправо от камеры.

Первые шестеро сказали одно и то же разными словами: не знаю этого человека, никогда не видел, может, ошиблись отделом.

Седьмой молодой архивист в очках с толстой оправой взял фотографию, долго держал, потом сказал: у нас нет такого сотрудника. Р. спросил: вы уверены? Архивист сказал: я веду табели учёта рабочего времени. Р. спросил: на сколько человек? Архивист сказал: на девятнадцать. Р. сказал: покажите. Архивист показал. Девятнадцать фамилий. Горина не было.

– Восемнадцать человек плюс вы, – сказал Р.

– Девятнадцать плюс я, – сказал архивист. – Я себя не

считаю.

Р. пересчитал список. Девятнадцать фамилий. Потом пересчитал сотрудников, которых опросил. Тоже девятнадцать. Горина среди них не было, но и в списке его не было, а людей он опросил ровно столько, сколько значилось в таблице.

Он записал это в блокнот. Обвёл. Поставил вопрос. Потом второй вопрос рядом с первым.

После обеда он поехал на Строителей, семь.

Дом был панельный, девятиэтажный, с железными дверями на подъездах и домофонами, которые не работали. Р. потянул за ручку, вошёл. Квартира тридцать четыре находилась на пятом этаже. Он позвонил в соседние тридцать третью и тридцать пятую.

Тридцать третья: пожилой мужчина в тельняшке, с газетой в руке. Р. показал фотографию. Мужчина смотрел долго. Потом: сосед из тридцать четвёртой? Никогда не видел. Живёт там кто-нибудь вообще не знаю, я не слезу. Дверь закрылась раньше, чем Р. успел задать второй вопрос.

Тридцать пятая: женщина с ребёнком на руках. Ребёнок смотрел на Р. серьёзно, без улыбки. Женщина смотрела на фотографию. Говорит: не знаю. Р. спросил: вы давно здесь живёте? Она сказала: семь лет. Р. спросил: за семь лет ни разу не видели соседа? Она помолчала. Потом: может, я и видела. Я не запоминаю соседей. Ребёнок на её руках смотрел на Р. и не отводил взгляд.

Дверь в тридцать четвёртую Р. открыл служебным ключом, квартира была опечатана двое суток назад, когда поступил первый сигнал. Внутри: прихожая с полкой для обуви, три пары ботинок, зонт. Кухня чистая, посуда вымыта, на столе пустая кружка. Комната: книжный шкаф вдоль одной стены, стол у окна, на столе стопка бумаги и ручка. Р. подошёл к столу.

На верхнем листе список. Написан от руки мелко с нажимом. Р. прочитал.

Это были факты конкретные, пронумерованные, с датами. Первый пункт: такого-то числа N. перестал узнавать меня на работе. Второй пункт: такого-то числа исчезла наша с ним переписка. Третий. Четвёртый. Список занимал обе стороны листа и продолжался на следующем.

Горин вёл записи. Фиксировал, как его забывают методично, с подробностями, с попыткой найти систему. Последняя запись была сделана три дня назад: сегодня не смог войти в собственный рабочий кабинет, замок заменили. На мой вопрос охранник сказал, что такой сотрудник в архиве не числится. Я показал удостоверение. Он посмотрел на фотографию, потом на меня, потом сказал: это не вы.

Р. стоял у стола и читал.

За окном был двор, деревья, скамейки, женщина с собакой у дальнего подъезда. Горин смотрел в это окно, пока писал. Р. подумал об этом, и сразу записал: не думать за него. Только факты.

Он сфотографировал оба листа. Постоял ещё минуту. Потом достал собственный блокнот и написал в конце сегодняшних записей одну фразу без номера, без даты, отделив от остального пустой строкой.

Он написал: проверить собственные записи.

Р. закрыл блокнот. Вышел из квартиры. На лестнице столкнулся с соседом из тридцать третьей, тот поднимался с газетой под мышкой, в той же тельняшке. Р. кивнул. Сосед посмотрел на него так, словно первый раз увидел в собственном подъезде.

Р. подумал: мы разговаривали сорок минут назад.

Достал блокнот прямо на лестнице и записал это тоже.

Глава 3. Рита

Риту Р. нашёл сам, она не приходила на опрос, не звонила, не оставляла заявлений. Просто сидела в коридоре управления, когда он выходил после совещания: третий стул от окна, чашка кофе в руках, взгляд в стену напротив, где не было ничего, кроме информационного стенда с выцветшими объявлениями.

– Вы ко мне? – спросил Р.

Она посмотрела на него. Не сразу ответила, сначала поставила чашку на колено, придерживала двумя пальцами за край, выровняла. Потом сказала:

– Наверное.

– Наверное, это не ответ.

– Это уточнение. – Она встала, переложила чашку в левую руку. – Я не знаю, правильный ли это отдел. Мне сказали сюда.

Р. открыл дверь кабинета. Она вошла, осмотрелась, выбрала стул у стены не тот, что стоял напротив его стола, а тот, что чуть в стороне. Поставила чашку на пол рядом с ножкой стула. Аккуратно, без звука.

Р. сел. Открыл блокнот.

– Имя.

– Рита. Маргарита Сергеевна Волкова. – Она помолчала. – Хотя Рита правильнее. Маргарита это на документах.

– Разница?

– Маргарита это имя, которое мне дали. Рита это то, как я себя слышу.

Р. Записал в скобках: (различает название и существование.)

– Вы знали Горина.

Не вопрос. Он уже понял по тому, как она сидела в коридоре не с растерянностью случайного человека, а с терпением того, кто пришёл по делу и готов ждать сколько нужно.

– Знала, – сказала Рита. – Хотя сейчас это звучит странно.

– Почему странно?

– Потому что если бы вы спросили меня три недели назад, я бы сказала «знаю». Настоящее время. – Она подобрала чашку с пола, подержала, поставила обратно. – Он не умер. Я понимаю, что он не умер. Но что-то изменилось в том, как он существует, поэтому прошедшее время точнее.

Р. смотрел на неё.

– Расскажите про три недели назад.

Она рассказала. Говорила ровно, без лишних слов не потому, что сдерживалась, а потому что так думала: точно, без округлений. Они работали в одном квартале, она в небольшом букинистическом на Садовой, он в архиве через дорогу. Обедали иногда в одном кафе. Не дружба, а знакомство, которое длилось три года и никуда не торопилось.

Три недели назад она зашла в кафе, увидела его за углом.

вым столиком, подошла. Он поднял глаза. Смотрел секунду, и в этой секунде она увидела то, что потом не смогла точно описать словами. Не страх, не растерянность. Что-то, что бывает на лице у человека, который смотрит на незнакомца и пытается понять, почему тот обращается именно к нему.

– Он не узнал вас, – сказал Р.

– Он не узнал меня. – Она подтвердила точно, без интонации. – Но я не уверена, что это правильная формулировка.

– Какая правильная?

Она помолчала. Взяла чашку, подержала двумя руками, не пила, просто держала.

– Он смотрел так, словно узнаёт. Было что-то, какая-то тень. А потом она прошла, и он сказал: извините, вы, наверное, ошиблись. Вежливо. Без дискомфорта. Как человек, которому не к чему было цепляться.

– То есть не узнал, – повторил Р.

– То есть разучился, – сказала Рита. – Это другое.

Р. записал. Долго смотрел на запись. Потом спросил:

– Почему вы пришли сюда. Не в полицию, не к его родственникам.

– К родственникам я пробовала. Сестра сказала, что никакого Алексея у неё нет и не было. Показала мне фотографии детства. На них она одна.

– А были фотографии с ним?

– Я не знаю, – сказала Рита. – Я никогда не видела их се-

мейных фотографий. Может, были. Может, нет. Я не могу доказать то, чего не видела.

Р. посмотрел на неё.

– Вы не пытаетесь доказать.

– Нет. Я пришла рассказать. – Она наклонилась, взяла чашку с пола. Кофе давно остыл, она всё равно сделала глоток, поморщилась чуть заметно. – Что вы с этим сделаете не моё дело. Я просто единственная, кто его помнит. Мне казалось, это важно пока есть кто-то, кто помнит.

Она ушла через двадцать минут. Р. остался в кабинете. За окном темнело быстро, по-мартовски, без предупреждения. Он перечитал записи за сегодня.

Внизу последней страницы написал: Волкова Р.С. единственная, кто помнит. Проверить, не забудет ли.

Поставил под этим точку. Посмотрел на неё.

Потом добавил вопросительный знак.

В тот же день, ближе к вечеру, К. вышел за справочником по городской архитектуре, нужен был для рукописи, для описания квартала, где живёт Р. Букинистический на Садовой он знал: заходил несколько раз, последний раз года полтора назад.

Магазин был маленький: стеллажи вплотную, проходы узкие, запах старой бумаги и чего-то ещё, что К. не мог назвать, но узнавал сразу. За прилавком в дальнем конце горела одна

лампа. Под лампой сидела женщина с книгой и чашкой кофе.

К. прошёл вдоль стеллажей. Нашёл раздел с городской историей третья полка снизу, корешки разных эпох. Начал просматривать.

Краем зрения он видел женщину за прилавком. Она читала, чашку держала в левой руке двумя пальцами за край, не за ручку. Выровняла на колене. Перевернула страницу, не глядя на чашку.

К. остановился.

Он только что написал эту сцену. Три часа назад, за своим столом: *Рита держала чашку двумя пальцами за край, не за ручку*. Написал именно так не потому, что видел когда-нибудь, как человек держит чашку за край, а потому что это казалось точным для Риты.

Женщина за прилавком перелистнула страницу.

К. смотрел на неё дольше, чем следовало. Потом снял с полки ближайшую книгу, раскрыл на середине, уставился в текст. Буквы складывались в слова, слова в предложения. Он не понимал ни одного.

Через минуту поставил книгу обратно.

Вышел, не купив ничего.

На улице было холодно, фонари уже горели. Он прошёл квартал, остановился у перехода. Светофор переключился. Он не перешёл.

Стоял и думал: совпадение. Люди держат чашки за край это не редкость, он просто никогда не обращал внимания.

Написал и заметил. Так работает внимание, это известно, это называется как-то по-научному, он читал об этом.

Светофор переключился снова.

Он перешёл. Дошёл до дома, поднялся, сел за стол. Открыл рукопись на сцене с Ритой. Перечитал абзац про чашку.

Рита держала чашку двумя пальцами за край, не за ручку.

Посмотрел на экран. Потом в окно и снова на экран.

Закрыл файл. Открыл снова.

Абзац был на месте.

Глава 4. Слой Ш – впервые

К. отложил рукопись на край стола. Потянулся к чашке, та стояла справа от стопки страниц, там, где он всегда её ставил. Взял, поднёс к губам. Не отпил, поставил обратно на то же место, чуть левее прежнего. Заметил смещение. Передвинул обратно. Выровнял точно.

Потом открыл рукопись на середине.

Он делал так каждый раз и не знал об этом.

К. прочитал это дважды.

Три абзаца. Жирный шрифт, без отступа он никогда так не форматировал. Страница сто девятнадцатая, между его собственными главами вставлена в разрыв между ними, напечатана на той же бумаге, тем же картриджем.

Он опустил страницу.

Посмотрел на чашку.

Чашка стояла справа от стопки страниц. Там, где он всегда её ставил.

Он поднял её. Поднёс к губам. Не отпил, поставил обратно, чуть левее. Заметил. Передвинул и выровнял точно.

Остановился.

Его руки сделали это сами, пока он смотрел на страницу.

Или он сделал это потому, что прочитал. Он не мог разделить эти два варианта, сколько ни пытался.

Он перечитал три абзаца ещё раз. Медленно, слово за словом.

Тон был не его. К. писал короче, суше: глагол, предмет, пауза. Здесь было что-то другое: наблюдение, которое знало больше, чем наблюдатель должен знать. *Он делал так каждый раз и не знал об этом.* Так не пишут про себя. Так пишут про кого-то, кого видят насквозь и кому не нужно объяснять.

К. положил страницу на стол.

Взял карандаш. Хотел обвести абзацы, рука остановилась над листом. Он подумал: если он отметит это в рукописи, это станет частью рукописи. Если не отметит, то тоже станет.

Он убрал карандаш.

За стеной Михаил Иванович что-то уронил, потом тишина. Во дворе хлопнула дверь подъезда. Лампа на столе гудела на той же частоте, что и всегда.

К. посмотрел на чашку.

Поднёс к губам. На этот раз отпил. Поставил обратно точно туда, куда поставил бы всегда, не думая.

Чуть правее центра. Там, где она стояла.

Он долго смотрел на неё.

Потом взял рукопись и перелистнул страницу сто девятнадцать вперёд, туда, где начиналась его собственная глава. Его шрифт, его поля, его ритм. Всё на месте.

Он начал читать.

Прочитал три предложения. Остановился.

Вернулся к странице сто девятнадцать.

Три абзаца. Жирный шрифт. Без отступа.

Он знал, что напишет напротив них в своём списке фактов. И не написал ничего.

Просто сидел и смотрел на страницу, пока лампа гудела, а за окном темнело.

Глава 5. Михаил Иванович

Часы лежали у порога в пакете из крафтовой бумаги, сложенном аккуратно, с подвёрнутыми краями. К. обнаружил их утром, когда вышел за газетой, которую он не читал уже полгода, но привычка спускаться за ней осталась. Пакет стоял вплотную к двери, поставленный тихо, чтобы не разбудить.

Внутри были настенные часы в деревянном корпусе. Его часы. Висели в прихожей, пока не встали три года назад, потом он снял их и убрал в шкаф, но не выбросил, просто убрал. Он никому не давал их чинить.

Он принёс часы на кухню, поставил на стол. Механизм работал, секундная стрелка двигалась ровно, без рывков. Он смотрел на неё минуту, прежде чем понял.

Стрелки шли в обратную сторону.

Он поднёс часы ближе. Секундная стрелка двигалась против часовой методично, без сбоев. Минутная тоже. Часовая. Все три в обратную сторону, и при этом часы показывали правильное время: К. проверил по телефону. Восемь сорок три. На часах тоже восемь сорок три.

Он долго стоял над ними.

Потом взял и отнёс в комнату. Поставил на полку между словарём синонимов и стопкой нечитанных журналов. Отошёл, посмотрел. Стрелки шли в обратную сторону и показы-

вали правильное время.

Он вернулся к рукописи.

Михаил Иванович пришёл вечером, когда К. уже не ждал никого. Звонка не было, только стук три раза негромко.

К. открыл.

Сосед стоял в дверях в рабочем фартуке с пятнами машинного масла, с маленькой отвёрткой в нагрудном кармане. Ему семьдесят пять, но стоял он прямо не нарочито, а по привычке, выработанной годами труда.

– Зашёл проведать, – сказал он.

К. посторонился. Михаил Иванович вошёл, снял ботинки у порога аккуратно, носками к стене. Прошёл в комнату без приглашения. Огляделся. Увидел часы на полке.

– Идут? – спросил он.

– Идут, – сказал К.

– Хорошо.

Михаил Иванович сел на стул у окна тот, где обычно лежала рукопись, которую К. убрал со стола перед тем, как открыть дверь. Сел, положил руки на колени, посмотрел на рукопись на краю стола.

– Много написали?

– Три года, – сказал К.

– Это не ответ на вопрос.

К. не ответил. Сел напротив, на диван. Между ними был

журнальный стол с пустой чашкой и карандашом.

За окном двор уже потемнел, горел один фонарь из трёх левый, ближний к дому.

– Вы писатель, – сказал Михаил Иванович.

– Да.

– Вы пишете или записываете?

К. смотрел на него.

– Не понимаю разницы.

Михаил Иванович кивнул. Не осуждение и не согласие. Просто подтверждение того, что уже знал.

– Когда я работал инженером, был у нас один человек. Методичный. Мог сделать чертёж по памяти, зайти на объект, вернуться и нарисовать. Точнее, чем с линейкой. Но он думал, что это он рисует. А он записывал. Там уже было, он переносил на бумагу.

К. молчал.

– Это разные вещи? – спросил он.

– Очень разные, – сказал Михаил Иванович.

– Чем они отличаются?

Сосед посмотрел на часы на полке. Стрелки шли в обратную сторону и показывали правильное время. Смотрел на них долго не как на странный предмет, а как на знакомый.

Потом встал.

– Я пойду, – сказал он. – Поздно уже.

– Вы не ответили, – сказал К.

– Я ответил, – сказал Михаил Иванович. – Вы не услыша-

ли. Это другое.

Он прошёл в прихожую. Надел ботинки так же аккуратно, как снял. Открыл дверь. На пороге остановился, не оборачиваясь.

– Часы правильно идут, – сказал он. – Вы не беспокойтесь.

Дверь закрылась.

К. остался в прихожей. Постоял, вернулся в комнату.

Часы на полке показывали двадцать два пятнадцать. Он проверил по телефону. Двадцать два пятнадцать.

Он сел за стол. Открыл рукопись. Нашёл страницу, где Р. встречает старика-наставника бывшего следователя, который знает о городе что-то, чего не говорит вслух. Перечитал описание. Манера сидеть прямо. Рабочий фартук. Отвёртка в кармане.

Закрыв рукопись.

Посмотрел на дверь, за которой только что скрылся сосед.

Потом на часы.

Двадцать два шестнадцать. Стрелки шли в обратную сторону.

Глава 6. Список

К. начал в полночь.

Взял чистый лист не из принтера, а из блокнота, плотный, в клетку. Написал сверху: *совпадения*. Посмотрел, зачеркнул. Написал: *параллели*. Тоже зачеркнул. Оставил лист пустым на минуту, потом написал цифру один и поставил точку.

Дальше пошло легче.

Он писал быстро, не останавливаясь, пока помнил всё, пока оно ещё лежало в голове упорядоченно. Рукопись была открыта рядом, блокнот с пометками за последние недели тоже. Он не смотрел в них, помнил.

1. Семь страниц в рукописи, которых не было. Написаны в моём стиле.

Напротив он написал: *ночная работа, не зафиксировал. Бывает.*

2. Кольцо от чашки на первой странице. Чашка была в сушилке.

Напротив: *мог поставить раньше, не заметил следа. Бывает.*

3. Абзац в восьмой главе про людей, которые разрешили себя забыть. Удалил и вернул.

Напротив: сбой в программе. Восстановление из кэша.

4. Рита в рукописи держит чашку двумя пальцами за край.

Напротив: я написал деталь.

5. Женщина в букинистическом держит чашку так же.

Напротив: совпадение. Люди так держат.

6. Сцена с коллегой в третьей главе изменилась. Дата файла не совпадает.

Напротив: сбой системы. Дата изменения не всегда корректна.

7. Описание наставника Р. в рукописи совпадает с Михаилом Ивановичем. Фартук. Отвёртка. Манера сидеть.

Напротив: я видел соседа. Использовал образ бессознательно. Нормально для прозы.

8. Михаил Иванович пришёл без звонка. Спросил именно то, о чём я думал.

Напротив: случайный разговор. Общие темы.

9. Часы идут в обратную сторону. Показывают правильное время.

Напротив он написал: механизм и остановился. Дописал: нестандартный механизм. Спросить.

10. Звонки Саше в одно время с точностью до минуты. Полгода.

Напротив: привычка. Не осознавал.

11. Фрагмент жирным шрифтом между главами. Описывает действие, которое я совершил через секунду после

прочтения.

Напротив он написал: *написал сам*, зачеркнул. Написал: *не помню, как писал*, зачеркнул. Оставил пустое место и перешёл к следующему.

12. *Рукопись предсказала фразу, которую я услышал на следующий день от незнакомого человека в очереди. Дословно.*

Напротив: *случайное совпадение. Общие речевые паттерны.*

13. *Нина Аркадьевна спросила, знаю ли я, чем заканчивается рукопись. Я не знаю. Она знает.*

Напротив: *риторический вопрос. Редакторская манера.*

14. *Михаил Иванович не удивился, когда я сказал, что он есть в рукописи.*

Напротив он написал: *возможно и больше ничего.*

15. *Тон фрагмента жирным шрифтом не мой. Ритм не мой. Знание не моё.*

Напротив: *диссоциативное состояние при ночной работе. Читал об этом.*

16. *Рита в букинистическом сказала: «Я читала похожую книгу. Автора не помню».*

Напротив: *случайная реплика. Я придал ей вес.*

17. *Страниц в рукописи стало больше после того, как я удалил лишние. На следующее утро стало прежнее количество плюс одна новая строка.*

Напротив он написал: *проверить принтер, и почувство-*

вал, как рука сама дописала эти два слова, потому что нужно было что-то написать.

18. Девочка в рукописи у Р. двенадцать лет. Саша тоже двенадцати лет.

Напротив он поставил ручку. Держал над листом. Убрал.

Он смотрел на восемнадцатый пункт.

Долго.

За окном было тихо, двор пустой, поздно. Лампа гудела. Часы на полке показывали час двенадцать.

Он мог остановиться здесь. Сложить лист, убрать под рукопись, лечь спать. Восемнадцать пунктов с объяснениями это ещё управляемо. Это ещё список наблюдений человека, который следит за собственным текстом.

Он взял ручку.

19. Михаил Иванович в рукописи умрёт в конце. В реальности живёт напротив.

Напротив ничего не написал.

20. Нина перестала брать трубку.

Напротив ничего.

21. Слой III, чей-то голос описывает меня в третьем лице чуть раньше, чем я делаю что-то.

Напротив ничего.

22. Кольцо от чашки на первой странице рукописи. Я начал писать три года назад. Кольцо выглядит старше.

Он писал это медленно. Перечитал. Напротив не написал ничего, но и не перешёл к следующему пункту сразу. Сидел.

Потом написал последнее.

23. Я не могу перестать писать.

Напротив этого он не поставил даже точки.

Он смотрел на лист. На объяснения, которые заканчивались на восемнадцатом. На пустые места после. На последний пункт без точки.

Потом перевернул лист.

Обратная сторона была чистой. Он смотрел на неё столько же, сколько смотрел и на исписанную.

Потом сложил лист вчетверо и убрал под рукопись.

Подумал, достал. Развернул и дописал к двадцать третьему пункту точку.

Снова сложил и убрал.

Выключил лампу. Сидел в темноте.

За стеной Михаил Иванович не двигал ничего тяжёлого. Было тихо так, что К. слышал часы на полке. Мерный ход стрелок. В обратную сторону.

Глава 7. СлоЙ I – записи Р. меняются

Р. вёл блокноты одинаково двадцать лет. Не из педантизма, а из необходимости: суд принимает записи следователя как документ, и документ должен быть читаем, датирован, однозначен. Каждая запись содержала дату, место, участников, факты. Никаких сокращений, никаких личных пометок в рабочем тексте. Личные пометки только в скобках, курсивом, сразу после факта. Это его система, только его, он не объяснял её никому.

Блокнот по делу Горина он открыл утром, чтобы перенести вчерашние показания в сводный протокол. Нашёл нужную страницу. Начал переносить.

Остановился на третьей строке.

Перечитал.

Написано было его рукой, это он увидел сразу: наклон, нажим, форма заглавных букв, которую он выработал ещё в институте и с тех пор не менял. Его рука. Но формулировка была другая.

Он помнил, что написал: Начальник архива Громова Е.В., 52 года, стаж 18 лет. Горина не помнит. Паспорт видела, личность не подтверждает. Сухо, протокольно, без оценок, так он всегда писал первичные показания.

В блокноте стояло: Громова смотрела мимо не от рассеянности, а от привычки смотреть туда, где важнее. Горина не помнит. Различает паспорт и человека. Это не ложь, а что-то другое.

Он дочитал до конца страницы.

Все факты были на месте. Имена, даты, адреса, прямые цитаты точные, проверяемые. Но между фактами стояло что-то ещё: наблюдения, которые он заметил и запомнил, но не записывал. Интонации он писал в скобках, курсивом. Здесь они стояли в тексте, без скобок, как часть протокола.

Он перелистнул к следующей странице.

То же самое.

Факты те же. Формулировки другие точнее, подробнее, с деталями, которые он замечал, но не фиксировал, потому что деталь без доказательной базы, это фиксировать впечатление, а впечатления в протокол не идут.

Он закрыл блокнот. Открыл снова на первой странице дела там, где дата начала и номер.

Его рука. Его номер. Его дата.

Он сидел в кабинете один, Волков ушёл на опрос, Нечаева была на выезде. За дверью коридор, голоса, телефонный звонок, на который никто не отвечал. Обычное утро.

Р. взял ручку. Открыл блокнот на последней записи вчерашней, которую он делал уже дома поздно, перед сном. Записывал, что нужно проверить сегодня: запросить личное

дело Горина из архивного отдела, перепроверить соседей по второму кругу, уточнить у Волковой, не забыла ли.

Список был его. Сокращения его. Но в конце страницы после его последней строки стояло ещё одно предложение. Чуть темнее, писали медленнее или с большим усилием, или другой рукой.

Он прочитал его.

Проверить собственные записи.

Он сам написал это там, в квартире Горина у окна, после того как прочитал список исчезновения. Он помнил точно. Перенёс в блокнот вечером, последней строкой, как напоминание.

Но нажим был другой.

Он поднёс блокнот ближе. Смотрел на букву «п» в слове «проверить», у него буква «п» имела характерный наклон вправо, верхние перекладки параллельны. Здесь тоже параллельны, тоже наклон вправо. Почти его. Почти.

Р. положил блокнот на стол.

Волков вернулся через час, снял куртку, бросил на спинку кресла, сел, открыл ноутбук. Привычка переспрашивать, прежде чем записать. Р. смотрел на него.

– Ты вчера брал мой блокнот? – спросил Р.

Волков поднял глаза.

– Какой?

– По делу Горина.

– Нет. – Волков смотрел ровно, без защитной реакции. –

Зачем мне?

– Не знаю. Ты брал?

– Нет, – повторил Волков. – Что случилось?

Р. смотрел на него ещё секунду. Потом сказал:

– Ничего. Не могу найти одну запись.

Это была ложь первая в разговоре с коллегой. Р. отметил это без интонации, как факт.

Волков кивнул и вернулся к ноутбуку.

Р. открыл блокнот снова. На этот раз с самого начала, первая страница дела, и дальше по порядку. Читал медленно, сверяя каждую запись с тем, что помнил. Факты совпадали везде. Формулировки не везде.

На странице с опросом жильцов дома на Строителях там, где женщина с ребёнком сказала «я не запоминаю соседей» в блокноте стояло дополнение, которого он не писал: Ребёнок смотрел на меня всё время разговора. Не отвёл взгляд ни разу. Дети отводят взгляд.

Р. закрыл блокнот.

Это была его мысль. Он думал об этом, стоя на лестнице и уже после, когда спускался. Подумал и не записал, потому что наблюдение за ребёнком не имело отношения к делу.

Кто-то записал вместо него.

Или он записал и не помнит.

Он сидел неподвижно достаточно долго, чтобы Волков поднял голову.

– Всё нормально?

– Да, – сказал Р.

Волков смотрел на него секунду дольше обычного. Потом вернулся к экрану.

Р. взял чистый лист. Написал сверху дату. Под датой одну строку: Блокнот изменён. Факты те же. Добавлены наблюдения, которые я делал, но не фиксировал.

Посмотрел на написанное.

Приписал ниже: Волков отрицает. Верю.

Ещё ниже: Значит я сам.

Он смотрел на эту строку долго. Потом взял ручку и аккуратно, без нажима, подчеркнул последнее слово.

Сам.

За окном кабинета шёл дождь мелкий, мартовский, без намерения закончиться. На подоконнике стоял стакан с карандашами, один сломанный, торчал выше остальных. Р. смотрел на него.

Потом достал блокнот снова. Открыл на странице с Горининым списком на той записи, которую сделал у окна в пустой квартире: проверить собственные записи.

Прочитал.

Нажим был другой. Он был в этом уверен.

Он убрал блокнот в ящик стола. Закрыл на ключ.

Ключ положил в карман.

Это не решало ничего. Он понимал это. Но ключ в кармане был единственным действием, которое сейчас имело смысл сделать.

Глава 8. Рукопись не удаляется

К. удалил семь страниц в одиннадцать вечера.

Не импульсивно, он сидел над ними час, перечитывал, выписал в блокнот первую строку каждой страницы. Потом выписал последнюю. Затем закрыл блокнот и удалил файл с семью страницами в корзину. Очистил корзину. Открыл папку с резервными копиями, их он делал автоматически, каждый день в полдень. Удалил резервную копию за сегодня. Проверил: копия исчезла. Закрыл ноутбук.

Распечатанный вариант те же семь страниц на бумаге он убрал в нижний ящик стола, под старые счета и сломанный степлер, которому было лет десять. Закрыл ящик. Подумал. Вынул страницы обратно, скрутил в трубку, убрал в пакет, пакет поставил за книги на нижней полке.

Лёг спать в половине первого.

Утром файл был на месте.

К. открыл ноутбук, не вставая с кровати, дотянулся с прикроватной тумбы, открыл крышку, нашёл папку. Файл со вчерашней датой. Он кликнул. Семь страниц открылись полностью, без изменений с его шрифтом, полями и текстом.

Он лежал и смотрел в экран.

Потом встал, прошёл в комнату, проверил нижний ящик

стола. Пусто, счета и степлер на месте, страниц нет. Подошёл к полке. Раздвинул книги. Пакет стоял там, где он его поставил.

Он развернул пакет. Семь страниц, скрученные в трубку. Он разгладил их на столе.

На последней странице, внизу, после его последнего абзаца одна строка, напечатанная тем же шрифтом, тем же кеглем, с тем же интерлиньяжем.

Он положил страницы обратно в ящик. Не за книги, а в ящик, под счета. Привычка.

К. смотрел на эту строку.

Он не клал страницы в ящик. Он положил их за книги. Он точно помнил, что скрутил, убрал в пакет, поставил за книги на нижней полке. Ящик он не открывал.

Строка описывала действие, которого не было.

Или которое будет.

Он попробовал иначе.

Распечатал рукопись заново всю, двести двадцать одну страницу, с семью новыми внутри. Сложил в стопку, выровнял края. Взял ножницы и разрезал семь страниц на узкие полосы методично, полоса за полосой, пока на столе не осталась горка бумажных лент. Смотрел на неё минуту. Собрал в пакет для мусора, завязал, вынес на площадку к мусоропроводу, бросил.

Вернулся. Сел за ноутбук и открыл файл.

Удалил семь страниц снова теперь не только их, но и все резервные копии за последний месяц, папку целиком. Создал новую папку с другим названием. Скопировал туда версию рукописи без семи страниц. Исходную папку удалил. Очистил корзину. Закрыв все программы. Выключил ноутбук полностью, дождался, пока экран погаснет и вентилятор затихнет.

Поставил ноутбук в шкаф, закрыл дверцу.

Лёг на диван. Смотрел в потолок. На потолке трещина от угла к центру, он знал её наизусть, она появилась два года назад и с тех пор не росла.

Пролежал так сорок минут. Встал, открыл шкаф. Достал ноутбук и включил.

Открыл вновь созданную папку, файл был внутри. Он кликнул.

Двести двадцать одна страница. Семь страниц на месте, между сто восьмой и сто девятой, где они и были.

Он пролистал до конца.

После его последнего абзаца была не одна строка теперь, а три, напечатанные тем же шрифтом.

Он попробовал иначе. Ножницы, полосы, мусоропровод. Потом удалил папку, создал новую, выключил ноутбук полностью. Сорок минут на диване.

Трещина на потолке не росла два года.

Результат тот же.

К. читал это медленно. Первую строку, вторую, третью. Третья строка была короче остальных.

Он закрыл ноутбук.

Открыл снова.

Три строки никуда не делись. Слова в третьей строке стояли там, где и ранее.

Он встал. Прошёл на кухню, поставил чайник. Смотрел, как закипает вода, сначала мелкие пузыри у дна, потом крупнее, потом кипение. Чайник щёлкнул. К. не взял чашку. Стоял и смотрел на выключенный чайник.

За стеной Михаил Иванович двигал что-то тяжёлое методично с остановками, как всегда.

К. вернулся в комнату. Сел за стол. Открыл ноутбук. Открыл новый документ пустой, без названия. Написал в нём: *попробовать ещё раз.*

Смотрел на эти слова.

Закрыл документ. Не сохранил.

Открыл рукопись. Пролистал до трёх новых строк. Перечитал их все. Задержался на третьей.

Результат тот же.

Он взял карандаш. Поставил галочку напротив третьей строки.

Закрыл рукопись.

Потом открыл снова на первой странице, на своём имени в правом верхнем углу.

Кольцо от чашки тёмное. Давно высохшее.

Три года назад он начал эту рукопись. Первая страница лежала перед ним с первого дня. Кольцо было на ней с первого дня.

Он смотрел на него дольше, чем раньше.

Потом закрыл рукопись. Встал, подошёл к окну.

Двор внизу. Дерево без листьев. Скамейка. Фонарь горел левый ближний, единственный из трёх рабочих. Было тихо, по-утреннему, когда люди уже ушли на работу, но день ещё не набрал темпа.

Рукопись лежала на столе за его спиной.

Двести двадцать одна страница. Три новые строки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.